

УДК 81-112

Л.П. Дронова

ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА: К МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА

Статья актуализирует вопрос о необходимости междисциплинарного взаимодействия когнитивно ориентированной лингвистики и компаративистики как имеющих общий интерес в реконструкции информации историко-культурного, когнитивного характера. На пути решения проблемы концепта как диахронического феномена есть ряд объективно не преодоленных проблем, связанных с отсутствием внимания к особенностям современного диахронного анализа, к системности в исторических изменениях. В ряде публикаций мы уже обсуждали возможности и ограничения использования методики сравнительно-исторического исследования в практике концептуального анализа. В этой статье обращаем внимание на еще один аспект этого вопроса – на проблему глубины формальной и семантической реконструкции при определении специфики эволюции концепта.

Ключевые слова: диахрония в когнитивно ориентированных исследованиях, проблемы историко-культурной реконструкции.

Современные когнитивно ориентированные исследования, ведущиеся преимущественно с позиций синхронных представлений языковых фактов, при выходе на динамику связи языка и мышления часто спотыкаются о наследие эпохи конфронтации синхронных и диахронных подходов к языку – смешение фактов синхронии и диахронии (прежде всего в развитии семантики анализируемых единиц и ее историко-культурной обусловленности). Причина этого носит вполне объективный характер (хотя субъективная сторона проблемы также присутствует).

Значимость междисциплинарности в когнитивных исследованиях является общепризнанной. Тем не менее серьезно не ставится и не обсуждается вопрос о необходимости междисциплинарного взаимодействия когнитивно ориентированной лингвистики и компаративистики, имеющих общий интерес в реконструкции информации историко-культурного, когнитивного характера. На этом пути представляется первоочередной задачей проработка проблемы концепта как диахронического феномена. В сложившейся ситуации диахронический аспект представления языковой формы и значения, ареально-историческая и историко-культурная реконструкция – вот та невидимая цепь, скрепляющая когнитивно ориентированную лингвистику и современную компаративистику, опирающуюся на принципы современного диахронического исследования (системность, междисциплинарность исследования, ареально-историко-культурная характеристика анализируемых фактов, комплексность методов, поэтапность исторического исследования, функциональный подход). К сожалению, приходится конста-

тировать, что эта «скрепляющая цепь» действительно невидима для широкой лингвистической общественности, занимающейся когнитивными исследованиями, или воспринимается всего лишь как знак того, что нужно посмотреть словарь М. Фасмера. При всей сохраняющейся авторитетности этого этимологического словаря нельзя же забывать, что в нем нет исторического анализа развития семантики в гнезде предполагаемых родственных слов, в основном это определение возможных формально-генетических связей. Этимологические словари в силу своей жанровой специфики и времени составления не дают поэтапной, «послойной», картины семантической реконструкции, преимущественно линейно располагают значения родственных слов, как правило, не решают задачу последовательного разграничения их в хронологической иерархии, выделяя – в лучшем случае – в анализируемом материале противоположные по глубине образования – архаизмы и инновации, дают сокращенный вариант формальной и семантической реконструкции.

Для определения семантического объема и структуры анализируемой леммы важен анализ особенностей системных отношений (словообразовательных, синтагматических, парадигматических отношений), он помогает определить направления смысловой филиации как отдельной леммы, так и всего словообразовательного гнезда, т.е. позволяет определить ясность/проблемность этих отношений в формальном и содержательном плане. Значимость анализа системных отношений леммы применительно к историко-этимологическому исследованию впервые на широком материале показал Э. Бенвенист в своем

«Словаре индоевропейских социальных терминов» (1970). Анализ системных отношений – это наиболее трудоемкая и объемная часть исследования на пути к глубинной семантике, когнитивным моделям, выявляемым в языковой репрезентации, и предполагает этот путь целый ряд последовательных этапов в сравнительно-историческом анализе фактов языка (в данном случае имеем в виду лексический уровень языка).

Мы уже обсуждали возможности и ограничения использования методики сравнительно-исторического исследования в практике концептуального анализа. Эффективному использованию методики современной лингвистической компаративистики при когнитивно ориентированном подходе к фактам языка, как представляется, помехой служит прежде всего то, что в современном научно-образовательном пространстве не актуализирована необходимость знания специфики исторического и историко-этимологического анализа, специфики его источников, особенностей современного диахронного анализа, не преодоленный на практике разрыв между синхронным и диахроническим подходом к фактам языка, неучет того, что изменения в диахронии тоже системны. Как показывает анализ работ лингвокогнитивного направления, следствием неучета особенностей современного диахронного анализа является смешение результатов разновременных изменений, анализ языковых изменений вне историко-культурного, историко-ареального контекста, смещения в дефинициях понятий, значимых в лингвистической компаративистике (внутренняя форма слова, этимон), и теоретическая несоотнесенность их как явлений внешнего, семантического, уровня языка со структурой концепта – единицей глубинного, когнитивного уровня [Дронова 2013].

Принципы и методика современного диахронического анализа (мы выделяем несколько обязательных этапов исторического исследования без противопоставления исторической лексикологии и этимологии [Дронова 2014]) позволяют системно и разноаспектно показать факты языка в их эволюции, используя приемы разных методов (описательного, структурного, сравнительно-исторического, ареального, типологического). Диахроническое рассмотрение всегда связано с сопоставлением по крайней мере двух последовательных стадий (синхронных срезов) в системе языка (последовательных и потому культурно детерминированных). В условиях повышенного внимания к семантике в современной лингвистике

особенно важна поэтапность («пошаговость», «послойность», как в работе археологов) реконструкции формы и значения языкового знака в диахроническом исследовании, нацеленном на определение исходного мотивирующего признака и его участия в исторических изменениях внутренней формы слова (вариативности реализации) [Беляевская 1987] в пределах историко-культурной обусловленности в родственных языках, следовательно, направленном на определение основания результирующей когнитивной составляющей [Беляевская 2000]. Несоблюдение поэтапности в реконструкции ведет к нарушению принципа системности по отношению к диахроническому исследованию, поскольку нарушается историко-культурная преемственность выделяемых для исследования синхронных срезов. Это те нередкие случаи, когда семантика слова современного языка напрямую сопоставляется с реконструированным значением праславянского или – чаще – индоевропейского уровня корня. Это не позволяет перейти к аргументированной на формальном и содержательном уровне генерализации спектра мотивационных моделей («поверхностный» уровень анализа языковой семантики), представляющих определенную когнитивную модель [Дронова 2014].

Недостаток учета особенностей методики диахронного анализа сказывается и в тех случаях, когда лингвист признает необходимость применения метода, который В.А. Богородицкий назвал синхронно-диахроническим, но представляет это только как описание хронологически разных синхронных срезов анализируемого материала. От этого предостерегал еще Р. Якобсон в своей основополагающей работе «Prinzipien der historischen Philologie» (1931), в которой центром тяжести структурного исторического исследования он считал определение направления и смысла мутаций, происшедших в языке [Барнет 1978]. Установление различий между двумя стадиями развития языковой системы не является целью диахронического анализа, а лишь его предпосылкой. «Функциональный подход, применяемый к сравнению следующих друг за другом синхронных срезов языковой системы, приводит нас к пониманию диахронического анализа как последовательного *проецирования* одного синхронного среза на другой. С помощью проекции мы определяем меняющийся функциональный объем проходящего в системе изменения и устанавливаем диахронические отношения (отношение исторической тождественности, генетической тождествен-

ности, отношение преемственности и структурной тождественности и их взаимосвязи) между соотносительными явлениями сравниваемых стадий» [Барнет 1978: 141].

Серьезным отрицательным последствием извлечения слова из исторического контекста и рассмотрения его в изоляции от окружающей семантической сферы, по оценке В.В. Виноградова, является «неустраняемая опасность перенести принципы понимания, свойственные одной эпохе, на другую, далекую от нее. Путь от идеологии и быта к языку не прямой, а очень извилистый» [Виноградов 1995: 8]. Возьмем для примера один из культурологических выводов когнитивного характера в гендерной лингвистике относительно исторической предназначенности женщины (олицетворением чего она могла быть).

«Слово «женщина» впервые было отмечено А.Х. Востоковым в «Хронографе» 16 в. В антропоморфной модели Вселенной женщина приравнивалась к Бездне, которая, по представлениям язычников, тем не менее считалась первоисточником всего живого в Мироздании [Маковский, 1996, с. 146]» [Маслова 2013: 134]. Да, слово *женщина* отмечено в текстах с 16 в., но ведь оно производно (через субстантивированное прилагательное *женска*) от *жена*, древнерусского обозначения женщины, как известно, имеющего в этом значении широкий круг индоевропейских соответствий и внутреннюю форму, связанную с обозначением детородной предназначенности женщины. Без указания на этимологическую связь слова *женщина* и *жена* создается впечатление в данном случае о некоем относительно позднем языковом представлении понятия «женщина». Тем более что далее на место древнего славянского обозначения женщины предлагается другое слово.

«Женщина – олицетворение судьбы, и в языках сохранилось это представление – древнерусское «кобь» – судьба (ср. польское *kobieta* – женщина). С другой стороны, женщина – символ нижнего мира, греховности, зла, всего земного, тленного. Отзвуки этих представлений сохранились до сих пор, например, в метафорах «сосуд дьявола» (в европейских культурах), «веревка, по которой мужчина спускается в ад» (на Востоке)» [Маслова 2013: 135]. В этой характеристике предназначенности женщины в представлениях древних славян остановимся на обоснованности сближения понятий «женщина» и «судьба» на основе сопоставления др.-рус. *кобь* и польск. *kobieta*. На основании каких историко-этимологических исследований

делается такой вывод – автор не указывает, как будто это общепринятое сближение. Так ли это?

Что касается др.-рус. *кобь*, то значение ‘судьба; вера в судьбу’ (XV в.) явно является производным от другого значения – ‘гадание по полету птиц, их крику и другим предзнаменованиям; предзнаменование; колдовство’ (Лавр. лет.). Это предположение подтверждает семантика однокорневых образований как в древнерусском, так и в других славянских языках (др.-рус. *кобение*, *кобление*, *кобование* ‘гадание (по полету и крику птиц, по приметам и встречам)’, *кобникъ*, *кобильник* ‘гадатель; тот, кто предсказывает что-л. по полету птиц, их крику и другим предзнаменованиям’ [СРЯ XI-XVII вв. 7: 208-209]; ст.-слав. *кобь* ‘гадание по птичьему полету или по встрече’, с.-хорв. *kôb* ж.р. ‘встреча’, ‘предзнаменование, (злой) рок’, болг. *kôba* ‘рок, (дурное) предзнаменование’, чеш. *kob* ‘гадание по полету птиц’, ст.-чеш. *koba* ‘удача, успех’, *koba* ‘ворон, согвус’ и болг. *кобя* ‘предвещать, предсказывать (дурное)’ с.-хорв. *kôbiti* ‘предчувствовать, предугадывать (беду или удачу)’, ‘встречать’ [ЭССЯ 10: 86, 91, 93, 101]).

Гадание по полету птиц – широко распространенный в древности способ получения предзнаменования у народов Европы (ср. хотя бы легенду об основании Рима Ромулом и Ремом). А для праслав. **кобь* есть и формально-семантическое соответствие – кельт. (др.-ирл.) *kob* ‘победа’ [ЭССЯ 10: 101]). Но это соответствие своей явно вторичной семантикой ничего (кроме ареала) не добавляет к определению более глубоких генетических связей, исходной семантики праслав. **кобь*. В данном случае это, вероятно, и не принципиально для возможности/невозможности сближения праслав. **кобь* и польск. *kobieta*. Ведь *kobieta* – исключительно польское слово и относительно поздно засвидетельствованное (1545 г.), поэтому его праславянская древность оказывается под сомнением [ЭССЯ 10: 89]. Существует целый ряд версий генетических связей ст.-польск. *kobieta* ‘женщина, баба’: его сопоставляли с фин. *kave* ‘женщина, мать’, эст. *kabe*, *kabeda* ‘жена’ (Миккола), со ср.-в.-нем. *gebette* ‘сожительница’ (Махек, Славский), с фр. *gobette* ‘легкомысленная особа’ (Вайян). Бернекер полагал, что ст.-польск. *kobieta* сначала значило ‘дура’ (ср. из М. Бельского (ок. 1550 г.) рифмованную жалобу жен на своих мужей, которые их (жен) для большей обиды «*kobietami zowa*»). Не получило поддержки и предположение Лося о возможном сложении **кобь*-*věta* ‘прорицательница’ [ЭССЯ 10: 89].

Учитывая, что это слово широко распространено в польских говорах и имеет целый ряд закономерных фонетических вариантов (т.е. является народным элементом лексики), и опираясь на исторический анализ фонетических и словообразовательных особенностей польск. *kobieta*, составители «Этимологического словаря славянских языков» пришли к следующему выводу. Изначально ст.-польск. *kobieta* (польск. *kobieta*, диал. *kobita*) – это производное прилагательное на *-it* от именной основы на *-i-* (суффикс *-itъ*, *-ita* адъективный формант в достоверно древних случаях типа **maztitiъ* – *maztъ*, **serditiъ* – *sъrdь-ce*). То есть **kobita*, прилагательное от **kobyъ* ‘гадание, ворожба, колдовство’, а также ‘рок, судьба’, ‘зло’, ‘упрямство’ (ср. рус. диал. *кобь* (сарат.) ‘упрямство’, *кобий* (пск., твер.) ‘имеющий норы, характерный человек’) – результат сокращения словосочетания **kobita žena*, которое могло значить что-то вроде ‘своенравная женщина’ (ср. уничижительную коннотацию в этой лексеме в тексте М. Бельского) [ЭССЯ 10: 90]. Таким образом, историко-этимологический анализ не дает оснований для реконструкции (да еще без всяких оговорок!) близости понятий «женщина» и «судьба» в сознании древних славян.

Обращая внимание на более строгое отношение к семантической реконструкции для когнитивных обобщений, мы хотим отметить еще один аспект определения концепта как диахронического феномена – это проблема необходимой глубины формально-семантической реконструкции при определении специфики эволюции концепта. Так, например, если представление о чем-то сложилось независимо в разных группах индоевропейских языков (например, концепт НАДЕЖДА), то в таком случае важен анализ системных отношений лексем, представляющих этот концепт, внутренняя реконструкция на уровне славянских (германских, балтийских и т.п.) языков. Внешняя реконструкция, т.е. обнаружение генетически близкой лексики в других группах языков, может помочь обнаружить лишь мотивировочный признак, этимон. Как отмечал еще В.В. Виноградов: «Правильная этимология раскрывает лишь мотивы зарождения слова и первые шаги его социального бытования... По существу своему этимология не имеет ничего общего с определением понятия и даже с определением первоначального значения слова. Этимологическое объяснение слова в большинстве случаев вовсе не является раскрытием предмета, обозначаемого словом» [Виноградов 1995: 9]. То есть этимоло-

гический признак – это «зародыш», из которого вырастает образ, внутренняя форма слова. Как известно, внутренняя форма не только устойчива, но и исторически и культурно вариативна. Один и тот же этимон (исходный мотивировочный признак) может породить разные внутренние формы, разные по структуре образы. Мы уже обращались к этому вопросу [Дронова 2013]. Что может быть следствием неучета необходимой глубины реконструкции? Полагаем, что это может привести к смещению историко-культурного фокуса представления эволюции концепта. Особенно это важно при сопоставительном исследовании, выявлении этнокультурной специфики концепта. Поясним это на примере концепта ЧИСТОТА в немецком и английском языках (здесь приводятся общие выводы, более подробный историко-лингвистический и культурологический анализ этого концепта мы представили в специальной публикации [Дронова, Готлан 2013]).

Представление англичан о чистоте в разных сферах действительности максимально полно выражает лексема *clean*, начиная с древнеанглийского периода. Однокорневые английскому *clean* лексемы в родственных языках представлены только в западногерманском ареале и значительно отличаются по своей семантике: др.-сакс. *klēnī*, *cleini* ‘аккуратный, изысканный’, ‘утонченный’, ‘небольшой’, др.-фриз. *klēne*, *kleine* ‘маленький’, нидерл. *kleen*, *klein* ‘маленький’, др.-в.-нем. *kleini* ‘блестящий’, ‘гладкий’, ‘чистый’, ‘изящный’, ‘тонкий’, ‘незначительный’, ср.-в.-нем. *klein(e)* ‘чистый’, ‘миловидный’, ‘изящный’, ‘утонченный’, ‘милый’, ‘остроумный’, ‘умный’, ‘невзрачный’, ‘незначительный’, ‘мало’, совр. нем. *klein* ‘маленький’ [Skeat 2007: 89; Barnhart 1995: 130; EWD: 773]. В однокорневых словах западногерманских языков наблюдается взаимодействие понятийных компонентов, характеризующих предмет с точки зрения размера, объема в целом (‘маленький’, ‘тонкий’), дающих его эстетическую оценку (‘аккуратный’, ‘изящный’, ‘изысканный’), и понятийных компонентов ‘чистый’, ‘гладкий’, ‘блестящий’. Но был ведь и дописменный период древнеанглийского, поэтому возникает вопрос: всегда ли лексема *clean* представляла концепт ЧИСТОТА в истории английского языка и была ядерной? Этот вопрос возникает на фоне сравнения с историей ядерной части концепта в другом западногерманском языке – немецком, где на протяжении письменной истории немецкого языка ядро концепта было представлено лексемами *hrein* (*rein*), *hlūtar* (*lauter*)

и *süber* (*sauber*), причем две первые лексемы исконные, прагерманского происхождения, а *sü-ber* (*sauber*) – заимствование из средневековой латыни в связи с христианизацией Германии. На том основании, что основная в английском лексема *clean* имеет генетически близкую лексику только в западногерманских языках, можно рассмотреть формирование структуры этого концепта на западногерманском уровне, исключая другие группы родственных языков. Для этого нужно ответить на вопрос: как отразились (и отразились ли) в истории английского языка лексемы, еще с прагерманского времени связанные с выражением понятия «чистота», аналогичные др.-в.-нем. *hreīn* (*rein*) и *hlūtar* (*lauter*)? И второй вопрос возникает в связи с так далеко разошедшейся семантикой англ. *clean* и нем. *klein*: как, на какой территории формировались племенные группировки (ингвеоны и иствеоны), языки которых продолжили древнеанглийский и древневерхненемецкий, каковы их древние контакты? Историко-лингвистический и историко-культурный анализ показал следующее.

В процессе функционирования эмпиричное прилагательное *clean*, в исходном значении ‘чистый’ как ‘светлый, ясный; блестящий’, больше характеризующее чистоту природную, активно расширяет денотативную сферу, определяя ‘чистый’ и как результат деятельности человека – ‘чистый’ = ‘очищенный’ (в прямом и переносном значениях). Важным выводом из анализа языкового материала будет утверждение, что в древневерхненемецкий и древнеанглийский периоды истории представление о чистом у немцев и англичан структурировалось одними и теми же понятийными компонентами – «светлый, ясный; блестящий» (о природном) и «очищенный от грязи, примесей» (в результате вмешательства человека). Отличие состоит в том, что в ранней истории немцев это структурирование концепта, его понятийного ядра, выражали своей семантикой две лексемы – (*h*)*rein* и *hlūtar*. В английском же языке, хотя представление о чистом выражено языковой единицей более позднего происхождения, но его семантика отражает ту же когнитивную модель, тот же образ чистого (‘чистый / светлый, яркий’ – о природном, ‘чистый / очищенный от грязи и примеси’ – при вмешательстве человека). Общегерманское происхождение (*h*)*rein* и *hlūtar* позволяет предполагать подобную структуру понятийного ядра концепта ЧИСТОТА и на прагерманском уровне, ср. семантическую структуру свидетельств северной группы германских язы-

ков: др.-исл. *hreinn* ‘чистый; открытый, прямой, искренний’, *hreīnlátur* ‘чистый, опрятный’, *hreīnlegur* ‘чистый, опрятный; подобающий, основательный; ясный, отчетливый’, *hreīnlífi* ‘нравственная чистота’ и др. [Берков 1962: 304]. Если бы мы представляли языковую реализацию концепта ЧИСТОТА, его формирование и эволюцию, сопоставляя данные английского и немецкого языков, начиная (или заканчивая) с древнеанглийского и древненемецкого, то обнаружили бы некую несуществующую этноспецифику в формировании и эволюции этого концепта – то, что выше было определено как смещение историко-культурного фокуса представления эволюции концепта. Полагаем, что только соответствующая глубина реконструкции может служить достижению когнитивно точного описания семантической структуры языковых единиц в динамике (а когнция всегда отталкивается от прежнего знания!), проверке психологической реальности языковых прототипов.

Список литературы

- Барнет В.* К вопросу о методологии синхронного среза в диахронии // *Языкознание в Чехословакии: сборник статей 1956-1974* / под ред. А.Г. Широковой. М.: Прогресс, 1978. С. 134-141.
- Беляевская Е.Г.* Семантика слова. М.: Высшая школа, 1987.
- Беляевская Е.Г.* О характере когнитивных оснований языковых категорий // *Когнитивные аспекты языковой категоризации: сборник научных трудов* / отв. ред. Л.Н. Манерко. Рязань, 2000. С. 9-14.
- Берков В.П.* Исландско-русский словарь / при участии А. Бёдварссона. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962.
- Виноградов В.В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // *Вопросы языкознания*. 1995. № 1. С. 6-34.
- Дронова Л.П.* Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2013. № 2 (22). С. 22-39.
- Дронова Л.П.* Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку. II // *Вестник Томского университета. Филология*. 2014. № 2 (28). С. 16-24.
- Дронова Л.П., Готлан Ю.А.* Особенности концептуализации представления о чистоте в английском и немецком языках // *Вестник Томского госуниверситета*. 2013. Март. № 368. С. 7-10.

Маслова В.А. Внешность женщины в русском языковом сознании: гендерный аспект // Гендерная лингвистика: коллективная монография. Павлодар, 2013. С. 130-145.

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1980.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 10 / под ред. О.Н. Трубачева / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1983.

EWD – Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / durchges. und erg. von W. Pfeifer. Berlin: Akademie Verl., 1993. Bd. 2.

Skeat W. Concise Dictionary of English Etymology. London: Wordsworth Editions Limited, 2007.

The Barnhart Concise Dictionary of Etymology / ed. by R. K. Barnhart. N.Y.: Harper Collins Publishers, 1995.

L.P. Dronova

DIACHRONIC REPRESENTATION OF CONCEPT: TOWARD METHOD OF ANALYSIS

The topic of method remains crucial in cognitive linguistics. The article discusses the issue of practical interdisciplinary interaction between cognitive linguistics and comparative studies, as having a common interest in reconstructing historical and cultural information of cognitive nature. This interaction may and must be implemented first of all at the level of systemic-structural and comparative-historical analysis of the semantics of linguistic units as a preparative stage for transition to “deep” semantics. This is not questioned theoretically, and there is even an emphasized necessity “to consider linguistic phenomena in their broad historical perspective” (E.S. Kubryakova 2009), but practical solution to the issue of concept as diachronic phenomenon is hampered by a range of objective problems associated with lack of attention to peculiarities of the modern diachronic analysis and systemic approach to historical changes.

In several publications we have already discussed the capacities and restrictions for using the methods of comparative studies in the practice of conceptual analysis. This article focuses on another aspect of this issue: the problem of formal and semantic reconstruction depth in determining the specific evolution of a concept. Inadequate reconstruction depth can result in shifting the historical and cultural foci in the representation of concept evolution. It is of particular significance in comparative studies and in analyzing the ethnocultural specifics of the concept.

Key words: diachrony in cognitive studies, problems of historical and cultural reconstruction.